

В миг, когда острое пронзило грудь, у Юй Уцюэ от дикой боли перехватило дыхание. Крик застрял в горле комом. Он даже не мог выдать из себя вопрос — за что Хэ Бугуй внезапно решил лишить его жизни?

Разве бабушка не уверяла, что Бессмертный не станет его убивать?

Да, гибель духовного зверя пробудила Гору Алого Золота, но ведь Юй Уцюэ устроил это не нарочно! Он пытался спасти людей — неужели за такое милосердие полагается платить собственной жизнью?

Хэ Бугуй что, совсем рассудок потерял?

Какое еще «Пожирание солнца»? Какие человеческие души? Уцюэ понятия не имел, о чем вообще речь. И что толку требовать от него чистосердечного признания, если, кроме простого «я ничего не знаю», ему и сказать-то нечего?

Как ни крути, вывод напрашивался один: Бессмертный Тайвэй окончательно спятил.

Уцюэ растерянно опустил голову и устался на собственную грудь. Клинок вошел на несколько вершков — аккуратно туда, где билось сердце. Но почему не льется кровь?

Рана не кровоточила. Более того, жгучая, выворачивающая ребра боль начала утихать, точно тяжелая, тупая судорога покидала его тело.

Юй Уцюэ резко вскинул голову, в упор глядя на сидящего на возвышении мужчину.

— Верховный Бессмертный... не собирается меня убивать.

Действительно, пожелай Бессмертный Тайвэй его смерти, зачем тогда было звать истинного человека Юнлэ для лечения? Заниматься подобной чепухой — сначала спасать, а потом резать — великий заклинатель явно не стал бы.

Хэ Бугуй словно прочитал его непочтительные мысли. Нахмурившись, он негромко скомандовал:

— Кунчжи, сними морок.

Мрачная зала перед глазами дрогнула и растаяла. Стоявший рядом Кунчжи, только что безжалостно пронзивший его мечом, рассеялся невесомым дымом. На самом деле юноша стоял позади Юй Уцюэ, слегка прижимая палец к затылку пленника.

Кунчжи убрал руку и поклонился:

— Господин, разум молодого господина Юя чист. Ни следов чужого внушения, ни признаков постороннего вмешательства в душу не обнаружено. Я, как вы и велели, обыскал его духовное море и заодно укрепил защитные барьеры. Все его слова — чистая правда.

Вот оно что!

Пока Хэ Бугуй разыгрывал перед ним смертоносную иллюзию, его слуга тайно проникал в чужое сознание в поисках скрытых умыслов. Только убедившись, что разум чист, Бессмертный соизволил поверить в невиновность гостя.

Впрочем, осуждать его за жестокость было глупо. Они чужие друг другу люди, виделись впервые, так что предосторожность великого мастера вполне объяснима.

Слухи не ввали: Бессмертный Тайвэй и впрямь невероятно холоден и безжалостен.

Изрядно помучив пленника, Хэ Бугуй немного смягчился:

— Что ж, Юй Уцюэ, я готов поверить, что ты никогда не слышал о запретных техниках и не осквернял себя поглощением человеческих душ. А значит, два смертных приговора — за умышленное святотатство и за мятеж против устоев — с тебя пока снимаются.

— Простите за вынужденную грубость, — Кунчжи вежливо протянул Юй Уцюэ чистое полотенце, помогая утереть холодный пот. — Теперь господин задаст вам несколько вопросов. Пожалуйста, отвечайте так же честно.

Юй Уцюэ скрывать было нечего, и он утомленно кивнул:

— Спрашивайте. Я ничего не утаю.

Из боковой двери чинно выстроилась вереница марионеток. Разбившись попарно, они несли тяжелые деревянные подносы, укрытые плотной парчой. Когда ношу аккуратно разложили перед Юй Уцюэ, Кунчжи сорвал ткань.

— Молодой господин, эти обломки мы извлекли из желудка кунда-зверя. Именно они нанесли ему смертельные раны. Большая часть деталей уже разъедена желудочным соком, однако на уцелевших фрагментах отчетливо виден знак «Юй». Это ваших рук дело?

— Да, мои игрушки, — признался Юй Уцюэ. — Всего их было десять. Девять проглотил зверь, а десятую поглотила лава.

— Зверь разгрыз марионеток и проглотил. Однако внутри его желудка, лишенные каких-либо нитей управления, обломки соединились вновь, прорвали стенки и начали кромсать внутренности. Позвольте узнать, каким образом вы заставили их действовать?

— Наверное, звучит дико, но раз уж вы спросили, отвечу как есть, — Юй Уцюэ пожал плечами.
— Силой мысли.

Хэ Бугуй слегка нахмурился. Он пристально вгляделся в лицо юноши, однако не заметил там ни капли хвастовства — Юй Уцюэ говорил об этом так непринужденно, словно речь шла о самых обыденных вещах.

Кунчжи на мгновение опешил:

— Это невозможно.

— Я могу доказать. Дайте мне любую марионетку. Или... хотите, я опробую это прямо на вас?

Юй Уцюэ воодушевленно потер ладони и принялся собирать остатки духовных сил. Управление вещами без нитей было его врожденным даром, о котором он никому не рассказывал. Сама мысль блеснуть мастерством перед легендарным Первым мастером марионеток кружила голову. Однако сколько бы он ни пыжился, Кунчжи даже не шелохнулся. Секунды шли, тишина становилась все более гнетущей, а Хэ Бугуй молча и с легким прищуром наблюдал за этим позором.

Не выдержав затянувшейся паузы, Кунчжи деликатно поинтересовался:

— Молодой господин?... Вы уже начали?

Юй Уцюэ смущенно почесал кончик носа:

— Духовные силы еще не восстановились, совладать с вами тяжело. Давайте попробуем на чем-нибудь попроще.

Однако ни боевые марионетки с мечами и щитами, ни простые слуги из Сада Летнего Дождя не поддались его мысленному приказу. Окружавшие его деревянные куклы оставались глухи к чужой воле.

Краска стыда залила щеки юноши, и он пробормотал едва слышно:

— Наверное, ваши марионетки защищены особыми заклятиями Бессмертного... Обычно-то они у меня сразу оживают, честное слово!

Его мимолетное мальчишеское тщеславие, сменившееся уморительным замешательством, не укрылось от взгляда Хэ Бугуя. Подумать только: парень только что едва не расстался с жизнью в смертельной иллюзии, а уже через мгновение забыл про страх и вовсе пытается пустить пыль в глаза. Какая поразительная стойкость духа.

Подобная непосредственность отдавала благородной искренностью и отвагой.

В душе Хэ Бугуя окрепла вера в невиновность мальчишки.

— Ничего страшного, попробуйте в другой раз, когда окрепнете, — мягко улыбнулся Кунчжи, возвращаясь к делу. — Мой господин сумел воссоздать одну любопытную деталь из найденных обломков. Вещь на редкость диковинная, и нам хотелось бы узнать, где вы ее раздобыли.

Он снял покрывало с последнего подноса. Под ним лежали девять круглых шкатулок-футляров. Они разбились в мелкую крошку, но удерживающее их заклинание заставило осколки сойтись воедино, возвращая им первозданный вид.

— Это ведь узел, заставляющий марионеток двигаться самостоятельно? Твоя работа? — подал голос Хэ Бугуй.

Лишь истинный мастер мог с первого взгляда распознать самое сердце механизма. Наметанный глаз Хэ Бугуя безошибочно определил: перед ним подлинный шедевр ремесла.

— Моя, — кивнул Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй слегка повел пальцем, и одна из шкатулок плавно взмыла в воздух. Ее стенки приоткрылись, обнажая клубящуюся внутри нежно-голубую дымку. Заинтересованный заклинатель некоторое время созерцал это зрелище, после чего спросил:

— Сработано тонко. Как ты назвал это устройство?

— Ядром души.

Хэ Бугуй прищурился:

— Выходит, внутри заперта душа.

— Верно. Оно служит вместилищем для духа и дает марионетке искру жизни.

Решив выдать все как на духу, Юй Уцюэ увлеченно, помогая себе жестами, принялся расписывать тонкости создания своего творения. Кунчжи, заметив, как опасно потемнел

взгляд его господина, тихонько попятился назад, благоразумно увеличивая дистанцию.

"Дело плохо. Сейчас грянет буря"

Колышущаяся голубая дымка была не чем иным, как неприкаянной душой. Бессмертный Тайвэй раскусил это в мгновение ока, а расспрашивал лишь для того, чтобы проверить реакцию мальчишки. И парень действительно превзошел все ожидания — стоял перед судьей с неопровержимыми уликами собственного преступления и, вместо того чтобы молить о пощаде, заливался соловьем, самозабвенно хвастаясь мастерством.

Юй Уцюэ, сияя от гордости, закончил свою лекцию и послушно сложил ладони на коленях, заглядывая Бессмертному в глаза в ожидании заслуженной похвалы:

— Ну как вам, уважаемый Бессмертный? Что скажете о моей задумке?

В ушах Хэ Бугуя уже гудело от этой трескотни. Он сухо обронил:

— Слишком много усердия не к месту. Сицзе, Силюй, займитесь им.

— А?

Железные стражи с глухим лязгом шагнули вперед. Кунчжи бесшумно зашел с тыла. Не успел юноша опомниться, как его грубо лишили верхней одежды и намертво прижали к полу за плечи.

Тщетно пытаясь вырваться, Юй Уцюэ вскричал:

— Бессмертный Тайвэй! Что происходит?! За что?!

Хэ Бугуй даже бровью не повел. Его ледяной голос хлестнул по ушам:

— Бить.

Раздался резкий свист, и суровые удары мгновенно рассекли нежную кожу на спине юноши.

После десятого удара экзекуция приостановилась. Сицзе сжимал в руках гибкую лозу, а Силюй — тяжелое железное мерило. Оба застыли в ожидании дальнейших указаний владыки. Кунчжи все тем же ровным, вкрадчивым тоном пояснил несчастному:

— Посланники закона и дисциплины карают нарушителей правил школы. Потерпите, молодой господин. Наш господин проявил к вам величайшее милосердие, избавив от битья по ногам,

поскольку они у вас и без того покалечены.

Юй Уцюэ, шипя сквозь зубы от невыносимой боли, выдохнул:

— Прежде чем сечь, хотя бы объясните глупому ученику, в чем его вина!

Хэ Бугую эта дерзость показалась почти забавной:

— Мы говорим уже битый час, а ты так и не соизволил понять, в чем провинился?

Юй Уцюэ, конечно, кое-что подозревал, но ясности в голове не было. Бессмертный явно гневался не из-за раненого кунда-зверя — о Горе Алого Золота он не обмолвился ни словом. Значит, дело действительно в шкатулках-ядрах.

Но ведь он рассказал все без утайки! Чертежи и расчеты — плод его собственных трудов. Упрямство взяло верх, и он выкрикнул:

— Если кара за кунда-зверя, то я лишь спасал человеческие жизни! Если за ядра души — так я их сам смастерил! Не украл, не выменял, законов Дворца Небесного Предела не нарушал! Какое же это преступление?!

Хэ Бугуй лишь холодно усмехнулся:

— Продолжайте.

— Я не согласен! Я не виновен!

Согласие провинившегося никого здесь не волновало. По сигналу Бессмертного на израненную спину опустились еще десять безжалостных ударов.

Спина Юй Уцюэ превратилась в кровавое месиво. Он извивался в путах, но сбежать не мог. Хэ Бугуй оставался глух к его крикам. Бабушка наказывала во всем сознаться, но ведь это имело смысл лишь тогда, когда палач готов слушать! Подобная слепая расправа растоптала последние капли благоговения перед Бессмертным. На смену страху пришла глухая обида.

Давешний восторг перед легендарным мастером испарился без следа.

Хэ Бугуй с холодным любопытством разглядывал искаженное упрямством лицо мальчишки. Юноша сверкал округлившимися от ярости глазами, точно дикий зверек, готовый в любой миг вцепиться в горло обидчику. В его пятнадцатилетнем облике все еще сквозило детское безрассудство, которое не могло никого испугать.

Этот взгляд необъяснимым образом воскресил в памяти образ крошечного младенца в пеленках.

Время пролетело незаметно. Беспомощное дитя, некогда сосавшее палец, выросло в статного, красивого юношу. Но какая душа свила гнездо в этом юном теле? Кому ведомо?

Подперев щеку ладонью, Хэ Бугуй безучастно дождался сорокового удара и лишь тогда велел стражам остановиться. Он неторопливо сошел с возвышения, приблизился к избитому юноше и решил наконец внести ясность:

— Где ты взял эти души?

— Это духи рогатых зайцев, — процедил сквозь зубы Юй Уцюэ.

— Ты сам их лишил жизни?

— Нет! Я никогда не убивал живых существ ради забавы или корысти, — Юй Уцюэ упрямо вскинул подбородок, глядя прямо и честно. — Если вру — пусть меня испепелит небесная кара!

«Небесной кары не потребуется, моих розог тебе и так хватит», — подумал Хэ Бугуй. Глядя на него сверху вниз, он произнес ледяным тоном:

— Все сущее имеет душу. После смерти плоть обращается в прах, а дух уходит на перерождение — таков великий круговорот жизни, предписанный Небесами. Ты же насильно запер неприкаянные души в бездушное дерево и заставил их служить себе. Это идет вразрез с их волей и попирает законы вселенной. Вот твой первый грех.

Больше всего на свете Юй Уцюэ ненавидел нравоучения. В его возрасте подобные проповеди лишь разжигали бунтарский дух. Он огрызнулся:

— Я вашего Небесного пути в глаза не видел! А что до их воли — эти зайцы сами не желали покидать мир живых! Можете устроить допрос их духам, если не верите. Захотят уйти — я их тут же отпущу и провожу молитвой!

Хэ Бугуй без лишних слов взял с подноса уцелевшее ядро и вскрыл его. Изнутри тут же вырвалось облачко голубого пара.

— Покажи мне, как ты их отпускаешь. Проводи хоть одну.

Марионетка была уничтожена, духу рогатого зайца действительно некуда было возвращаться, так что лучшим исходом было упокоение. Юй Уцюэ, преодолевая боль в израненной спине, приподнялся, сложил пальцы в ритуальный жест и принялся тихо шептать успокоительные

мантры.

Сначала хлопьевидный туман пытался рассеяться, но по какой-то причине был скован внешней силой в плотный комок. Чем больше он пытался провести обряд упокоения, тем яростнее тот сопротивлялся, а внутри тумана слабо проступали заклинания, иероглифы которых криво напоминали знак «Юй».

Душа не противилась спасению — ее просто не пускали путы.

Кунчжи покачал головой:

— Этот дух заклеим чужим именем. Путь в загробный мир для него закрыт. Из-за этого в нем начинает копиться злоба. Пройдет немного времени, и несчастное существо превратится в мстительного призрака.

Юй Уцюэ потрясенно выдохнул:

— Но почему?... Как это возможно?

— Молодой господин, вы что, никогда раньше не пытались упокоить души, которые использовали? — спросил Кунчжи.

На лице юноши наконец отразилось искреннее раскаяние. Он виновато замялся:

— Это заклинание... я еще не до конца освоил. Пока у меня получалось только вселять дух внутрь игрушки. Высвободить их обратно я... еще не пробовал.

Хэ Бугуй взмахнул широким рукавом, выпуская на волю прядь густого черного дыма. В его глазах вспыхнул опасный огонь:

— А-Кунь испустил дух еще до того, как тебя привели сюда. Вот все, что осталось от его души.

Черный дым точно так же не мог развеяться. Окутанный ядовитыми испарениями злобы, он метался из стороны в сторону, а внутри него тускло светился все тот же корявый символ «Юй», намертво привязавший дух покойного кунда-зверя к его невольному убийце.

Тяжелая, удушающая аура Бессмертного заполнила покой.

— Жду твоих объяснений.

Юй Уцюэ не нашел слов. Он понуро опустил голову.

— Древнее искусство «Пожирания солнца» некогда прославилось своей способностью повелевать мертвыми. Но после того как оно принесло миру неисчислимые беды, его навсегда занесли в списки запретных ересей. Любого, кто дерзнет прикоснуться к нему, карают без жалости: лишают духовных сил, ломают кости и с позором изгоняют из орденов заклинателей. Если же из-за этого искусства пострадала хоть одна живая душа — виновному грозит смертная казнь.

Кунчжи тихо добавил:

— Если вы действительно не слышали об этом, молодой господин, поясню: техника «Пожирания солнца» относится к разряду высших преступлений против Небес. В обители Улянчжай за нее полагается самое суровое наказание из всех существующих.

Юй Уцюэ похолодел от ужаса.

Хэ Бугуй вернулся на свое место. Его глубокий, пронизывающий взгляд устремился на юношу:

— Это знание считалось канувшим в небытие уже много веков. Отвечай, Юй Уцюэ, кто обучил тебя этой скверне?

Юй Уцюэ тяжело сглотнул скопившуюся слюну:

— Я клянусь, что не знал о запрете! Меня никто не учил. Я... я сам его выдумал.

Вошло в него это искусство благодаря одному странному, пугающе яркому сновидению. Во сне загадочные формулы и пассы складывались сами собой, а когда он открыл глаза, в голове уже зрел готовый план. Юноша понимал, что подобные оправдания звучат на редкость глупо и неубедительно, однако это была чистая правда.

Он с надеждой вскинул голову, преданно заглядывая в глаза Бессмертному:

— Ученик не смеет лгать вам.

Юй Уцюэ внутренне приготовился к новой порции ударов, однако Бессмертный Тайвэй воспринял этот нелепый рассказ на удивление спокойно.

— И что же это был за сон? — спросил он.

Прекрасный, упоительный сон. В нем Юй Уцюэ повелевал несметным воинством марионеток, способных летать по небу и низвергаться под землю. Он был всесилен, и целый величественный город лежал у его ног, склонившись в безмолвном почтении. Из того сна он вынырнул с улыбкой на губах.

Понимая, что судьба его висит на волоске, Юй Уцюэ поспешил добавить:

— Бессмертный Тайвэй, я признаю свою вину. Я проявил непростительное легкомыслие, применив неопробованную технику и лишив несчастных созданий возможности переродиться. Но клянусь, у меня и в мыслях не было причинить кому-то вред или покушаться на человеческие души! Молю вас, проявите снисхождение и рассудите справедливо.

Если бы он действительно сознательно баловался темным искусством, наказание сорока ударами показалось бы детской забавой. Орден Улянчжай немедленно прислал бы за ним палачей, и тогда даже заступничество старейшин Дворца Небесного Предела не спасло бы его от плахи.

Окружающий холод постепенно отступил. Хэ Бугуй погрузился в глубокое раздумье.

На самом деле он открыл мальчишке далеко не все карты. Техника «Пожирания солнца» являлась лишь малой частью наследия, неразрывно связанного с загадочным Городом Бессмертия. Юй Уцюэ с самого рождения был окутан тайнами, и то, что запретное учение явилось ему во сне, явно свидетельствовало о чьей-то незримой, направляющей руке.

Юношу шестнадцать лет тщательно прятали в стенах Дворца Небесного Предела, в то время как искатели древних тайн сбились с ног в его поисках. Стоит весть о возрождении запретной магии разнестись по свету, как все нити тут же потянутся к Городу Бессмертия и к таинственному младенцу, спасенному полтора десятка лет назад. Секрет Юй Уцюэ будет раскрыт.

Забытый Богом мертвый город оставался незаживающей язвой на теле поднебесной. Его сокровища и жуткие, всемогущие искусства манили к себе безумцев всех мастей, разжигая в их сердцах алчность. Неважно, являлся ли Юй Уцюэ тем самым ключом, способным отпереть ворота гибели, или нет — клеймо, оставленное на нем некогда великим Цзи Сюанем, обрекало парня на вечную долю преследуемой жертвы.

Хэ Бугуй принял решение: мальчик должен остаться здесь, под его присмотром. Эта мысль укрепилась в его разуме еще в тот миг, когда он увидел бесчинства в недрах горы и разглядел ядра душ. Какими бы нелепыми ни казались его предлоги, он был обязан укрыть юношу в Парящем дворце, защитив от внешнего мира.

Поступая так, он следовал заветам старейшины Сюаньцзи. Бессмертный Тайвэй, запертый в клетке вечной жизни с душой смертного, не обязан был вечно томиться в одиночестве и скорби. Если Небеса судили ему стать стражем потаенной обители и не позволить древней катастрофе повториться, то пусть это и будет его истинным предназначением на Великом Пути.

Его суровое наказание сейчас служило ширмой для защиты — точно так же, как и спасение младенца шестнадцать лет назад.

Оберегать Город Бессмертия и все, что с ним связано, — вот стезя, которую указал ему наставник.

— Будь на то воля обители Улянчжай, тебя бы давно казнили, — Хэ Бугуй посмотрел на него ровным, непроницаемым взглядом. — Но здесь — Парящий дворец. И последнее слово всегда остается за мной.

Взмахом руки Бессмертный запечатлел в сознании Юй Уцюэ охранную метку слуги Парящего дворца, позволяющую беспрепятственно обходить защитные барьеры резиденции.

— Будем считать, что сегодня ты понес суровое наказание исключительно за ранение кунда-зверя и переполох на Горе Алого Золота. Иных причин не существует.

Эти слова означали лишь одно: юноша должен держать язык за зубами. Только так Хэ Бугуй мог уберечь его от гнева Улянчжай.

Юй Уцюэ удивленно вскинул голову. Неужели Бессмертный Тайвэй решил спасти его?

"Он действительно защищает меня?"

— Но помни: если до меня дойдут слухи, что ты болтаешь лишнее, или если я еще хоть раз увижу эти твои ядра душ — я лично разрушу твоё духовное основание и с позором вышлю за пределы Дворца Небесного Предела.

Юй Уцюэ вздрогнул и поспешно склонил голову:

— Да, уважаемый Бессмертный. Я все понял.

— Тем не менее эти несчастные духи застряли в нашем мире по твоей вине, и ты обязан искупить содеянное, — Хэ Бугуй бросил короткий взгляд на стражей. — Силуй и Сицзе, отсчитайте ему полную сотню ударов, а после отнесите его в Сад Летнего Дожда.

— И передайте всем: отныне Юй Уцюэ запрещено покидать гору без моего личного позволения.

<http://bllate.org/book/20165/2130940>